

Блаженное воинство земное (об учении Святителя Филарета)

Сегодня, когда смиренно свидетельствующая об Истине Церковь Христова принимает в свои объятия ищущих сей Истины и, в особенности, отечественное воинство, церковной общественности пристало ясно определить свое отношение к грустным явлениям нашего многомятежного бытия.

Двадцатый век — век непрерывных войн, век массовых страданий и уничтожения целых народов, поколений и государств — стер границу между войной и миром, извратил правду и справедливость, защищаемого сделал мучителем, а защитника оболгал и унизил. И все это совершилось по одной—единственной причине: снова отвергнут Христос ради цивилизованного Варравы.

Вряд ли можно указать на какую—либо окончательно сформулированную православной церковью систему учения о войне и мире, о воинстве и гражданстве, но несомненно то, что в Священном Писании и у святых отцов найдется достаточно средств, чтобы таковую систему обнаружить.

Я предпринял попытку краткого анализа воззрений новопрославленного Святителя Филарета Митрополита Московского и Коломенского, касающихся проблематики войны и воинства. Это сообщение надо принять как начало ответственного разговора о вечном достоинстве воинства и ответственности общества перед ним.

Особенностью богословия Святителя Филарета является библейское осмысление всякого факта человеческого бытия. О чем бы ни говорил Святитель, всегда привлечет он наше внимание к священным образам, к таинственному смыслу истории, к заповедям Господним и к воспоминанию того, что наше Отечество на небесах есть.

У Святителя нет специального учения о войне и о всем том, что с нею связано, но в различных речах и проповедях можно найти стройную, библейски ориентированную систему взглядов на это печальное явление человеческого бытия. Я полагаю, что основу его воззрений на мятежность человеческого бытия составляет библейская пара взаимопроникающих понятий — *правда и мир*.

Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются; Истина возникнет из земли, и правда прикиннет с небес (Пс 84.11,12).

И делом правды будет мир, и плодом правосудия — спокойствие и безопасность вовеки (Ис 32.17).

Сия премудрая пара понятий наполняет Священное Писание и дает обильную пищу благоговейному боголюбцу для спасительного устройства своей жизни.

Боже! даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду; да судит праведно людей Твоих и нищих Твоих на суде. Да принесут горы мир людям и холмы правду (Пс 71.1,2,3).

Начало доброго пути — делать правду; это угоднее пред Богом, нежели приносить жертвы. Ищущий Господа найдет знание с правдою; истинно ищущие Его найдут мир (Притчи 16.5).

Иерусалим! сними с себя одежду плача и озлобления твоего, и оденься в благолетие славы от Бога на веки... Навек наречется от Бога имя тебе: "мир правды и слава благочестия" (Вар 5.1,4).

Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир (Иак 3.18).

Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего,— тот, который — во—первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть, царь мира (Евр 7.1,2).

Так в прообразе Богочеловека Иисуса Христа соединены два именованя — Правда и Мир (мир как Вселенная и мир как благоденствие).

Если мир — благоденствие, дело правды, то война — дело не правды и беззакония.

Молился однажды Святитель, — «Да мимо идет война, Божие наказание народов: примем с благодарностью мир как дар Бога, творящего мир».

Войною становится вся многогреховная жизнь человека на земле, — все чего—нибудь

да ищет человек на земле, — вступает в противоборство с собою, с гражданами и с властителями. Цари восстают друг на друга и повергают подвластных своих в пучину страданий и смерти.

«Но вот в чем всего чаще погрешают неумеренные воинственники жизни: они не примечают открытого, или сокровенного, но тем не менее верного союза между правдою и миром, между добродетелию и благополучием, между непорочностью и спокойствием. От того правда для них не довольно любезна; от того мир для них не довольно надежен»¹.

Правда, в контексте толкований Святителем библейских текстов — это требования и установления Закона, данного людям свыше; делание же правды, плоды этого делания являются средством к стяжанию мира, к установлению мирного благобытия.

Святитель задается вопросом: кому же нужны и полезны заповеди Господни — нравственность, чистота помышлений, сдержанность чувств и желаний, вера и богослужение? Конечно, не Законодателю, но — получателю Закона. Если тебе запрещено красть, — это означает, что ты защищен от кражи; если тебе запрещено убивать, — это означает, что именно тебя не убьют. Тот, кто примет и исполнит заповедь «не убий», тот и не будет убит.

Учение о правде Закона и делании этой правды естественным образом сопрягается с православным воззрением на сущность свободы человека.

«Ибо едва ли есть в языках человеческих слово, которое столько было бы подвержено неправому пониманию и злоупотреблениям, как слово: *свобода*.

Некоторые под именем свободы хотят понимать способность и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта; и мечта не просто не сбыточная, но незаконная и пагубная».

Первым таким безрассудным мечтателем был Адам, пожелавший извратить свою свободу — превратить ее из свободы послушания в свободу желаний. Святитель вопиет: «Поймите, мечтатели безграничной свободы, гибельное безумие ваших мечтаний, — поймите, наконец, хотя после жестоких опытов, когда сокрушавшая свои пределы свобода не раз обагряла лице земли неповинною кровию, и, проливая потоки крови человеческой, утопляла в них и сама себя!»

«Истинная свобода есть деятельная способность человека, не поработенного греху, не тяготимого осуждающею совестью избирать лучшее при свете истины Божией, и приводить оное при помощи благодатной силы Божией».

«Вот свобода, которой не стесняет ни небо, ни земля, ни ад, которая имеет пределом волю Божию, и это не в ущерб себе, потому что и стремится к исполнению воли Божией, которая не имеет нужды колебать законные постановления человеческие, вот свобода, которая совершенно согласна с повиновением закону и законной власти, потому что она сама того хочет, чего требует повиновение».

Святитель призывает нас возлюбить свободу от греха, от страсти, от порока, свободу повиноваться закону и власти, делая добро Господа ради, по вере и любви к Нему.

Различные состояния земных государств непрестанно направляются Промыслом Божиим к тому, чтобы они уготовляли своих подданных в подданство небесное, гражданство небесное; при этом действия и влияния человека и общества взаимны друг на друга. Если благой Промысл Божий подвергает нас некоторой превратности, то превратности премудрой; если он налагает на нас некоторые узы и оковы, то только на наше своеволие и буйство; если кого унижает, то только того, кто сам себя возвышает и утверждает свое самовладычество. Если Промысл возвышает жребий нечестивого, то тем самым учреждается жезл, карающий закосневшее нечестие и утвердившуюся неправду.

И в военных бедствиях усматривается этот смысл и значение. Войны — это Суд Божий над земными царствами, творимый уже сегодня при текущей жизни их граждан. Почему? «Каждый человек имеет свое безсмертие, и потому награда или наказание, за дело его во времени, без нарушения правосудия могут быть отсрочены до вечной жизни. Но царства земные не имеют безсмертия и другой жизни в вечности, следовательно, Божий над ними суд и воздаяние им за правду или неправду должны совершаться во временах, как-то: посредством благотворных или карательных действий природы, посредством благоустройства или нестроения общественного, посредством браней».

Праведные и злые равно терпят все нестроения общественные, и опять же Промысл Божий усматривает жертву Себе как в саду Савек усмотрел агнца вместо Исаака. Этой жертвой является особый род служителей и страстотерпцев — *воины*. Не много требовал от них Иоанн Креститель, — только довольствоваться своим, и никого не обижать.

Воинство праведное это добровольное и *желанное претворение своей жизни в талант*, которым приобретает сообществу людей спокойствие и благоденствие, а Богу — слава и благодарение; воинство праведное — это стяжание через самопожертвование высшей степени святой любви — положить душу свою за друзей своих и Божиих. Святитель учит: «Честь воина — не в одной пылкой храбрости, но также и в строгом повиновении Начальству, в единодушии с соратниками, в непоколебимой стойкости, в недремлющей осторожности от нападающего с оружием и от подкрадывающегося с смертоносным словом, в кротости к безоружным, в умеренности, *довольной*, как учил Иоанн Креститель, *своими оброки*. Высшая же сила воина — в вере и уповании на Господа Сил».

Воинство земное, праведно подвигающееся для царствия небесного и земного, принимается в управление Самим Господом — Повелителем воинства небесного. Такое воинство свято и непобедимо, а смерти — непричастно!

Война суть одновременно и обличение пред Богом и людьми неправды одних, и священное делание тех, которые по необходимости встали на защиту правды, веры и отечества. Воин, вставший на защиту веры и отечества, подвиг веры и правды совершает своим оружием и уподобляется христианским мученикам своими ранами и кончиною.

Прямое высказывание Святителя на сей счет таково: «Под ви зающийся в сей брани оружием совершает подвиг веры и правды, который христианские мученики совершали исповеданием веры и правды, страданием и смертью за сие исповедание; и, приемля раны, и полагая живот свой в сей брани, он идет в след мученикам к нетленному венцу». «Рана верного воина, ... , светит доблестию теперь, и будет сиять в вечности».

Поучая сестер милосердия, отправляющихся на служение воинам — «страдальцам и подвижникам веры, страдания которых ознаменованы печатью достоинства», Святитель показывает различие доброделаний по их целям. Нельзя подать чашу воды, и тем удовлетвориться в стяжании Царствия Небесного. «Если вы творите добро несчастному, потому что видите в нем жалкое существо, то вы делаете дело естественного сочувствия. Если благотворите бедствующему потому, что видите в нем соестественного вам человека и сознаете обязанность творить ближнему то, чего желали бы себе в подобных обстоятельствах, то вы делаете дело, свободно и нравственно доброе. Но чтобы ваше благотворительное дело было духовно доброе, достойное Христа, вы должны видеть в бедствующем *меньшего брата* Его, который по сему качеству достоин духовной любви и духовного уважения, кто бы он ни был по своему внешнему положению». Только в этом последнем случае чаша воды становится достойной небесного воздаяния. Воин, по крайней мере, не рассуждая о достоинстве ближних своих, защищает их и идет на смерть за друзей Божиих и друзей своих; оттого его служение невольно наполняется духовным смыслом как служение меньшим братьям Господним. Воинское духовное служение немислимо без молитвенного подвига тех, за жизнь которых подвизаются воины. Молящиеся за воинов становятся их сподвижниками на поле брани. «Отдадим справедливость верности, благородству, искусству, мужеству наших вождей и воинов; но если молитва, Божие благословение и Божия помощь также не суть слова без значения, то Церковь и народ, молящиеся за воинство, суть не маловажный для воинства подкрепительный, а может быть, пред очами духа, и предваряющий к победе отряд, по силе и достоинству молитвы».

Так воинство, служащее меньшим братьям Христовым, народ Божий и Церковь земная вкупе и небесная составляют то поле, на котором высевается правда, и где произрастает мирный плод — спасение во Иисусе Христе, наследование Вечного Царства.

Итак, плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир. Воля Божия и свобода ее исполнения насаждается на земле, но произрастает в небо, в жизнь вечную. Сим утверждением мы провозглашаем непоколебимую веру нашу в жизнь вечную во Христе Иисусе, хотя и не насыщаемся здесь видимыми и чувственными благами, имея к ним постыдное влечение.

О тех же, которые посмеиваются правде, не доставляющей в сем грешном мире скорых видимых и чувственных благ, Святитель вздыхает: «Ах, бедный искатель скороспелого и дешевого благополучия!». И потом возглашает, что не останется без наказания презрение правды Закона, а исполнители ее не останутся без подлинного благополучия. И наконец, возвышая ценность жизни каждого боголюбца, Святитель уподобляет пути этой жизни путям Господним: «...Если бы дела правды повели даже путем смерти, то проведут до Воскресения в жизнь, и до вознесения в славу».

Так неизбежно приходим мы к пониманию того, что правда Божия сопряжена со временной смертью, — она не дает «скороспелого и дешевого благополучия», и что предпослана она для стяжания жизни вечной.

О жизни вечной Святитель много учит, и учит возвышенно: «Я стою твердо в Апостольском уверении, что житие наше на небесех есть. ... В сем Апостольском слове, подаю вам, чада Церкви воинствующей, оружие против многого, что сражается с вами на земли». На всякое воинствование против правды Божией здесь на земле мы должны с упованием отвечать — «Житие наше на небесех есть».

Завет Святителя нам таков: «Так сильною мыслью о небесном, верою в небесное, любовью к небесному, надеждою небесного возмогай, земнородный, над земным и преисподним; и подвизайся непрестанно, да будет в тебе небо Благодатию, да будешь наконец ты в небе со славою вечною».

Примечания

ⁱ Филарет(Дроздов), митрополит. Сочинения. Т.3.М., 1877, с.134–135.